УДК 930.1(44)

РЕВИЗИЯ НАСЛЕДИЯ ПОЗИТИВИЗМА В ИССЛЕДОВАНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Н.В. Трубникова

Томский политехнический университет
E-mail: troub@mail.ru

Статья посвящена одной из актуальных дискуссий современной французской историографии – переоценке традиции исторического позитивизма. В этих дискуссиях «методическая школа», в XX веке раскритикованная движением «Анналов», «реабилитируется» в своем качестве основательницы французской исторической науки.

Одним из наиболее заметных «поворотов» современной французской историографии становится ревизия наследия так называемого исторического позитивизма. В немалой степени, эта тенденция стало результатом многолетней критики движения «Анналов», пришедшего на смену поколению историков-позитивистов: любая история пишется не только по архивам, но и по уже созданным историческим работам, в первую очередь, на основе исследований непосредственных учителей. Историк не столько стремится написать принципиально новые истории, сколько «перерассказать» старые, на базе новых данных или интерпретаций. «В случае с Анналами, – утверждает Филипп Кэррэрд, – короткий взгляд на теоретические записки Февра, Броделя и Ле Руа Ладюри показывает, что эти историки часто определяли свое предприятие по отношению к истории, предшествующей им, которую они называли *историзирующей, нарративной, событийной*, или, более общим способом, *позитивистской»* [1. С. 13]. Благодаря Анналам эту историю дискредитировали, сделали из нее отрицательную модель, от которой должен был откреститься всякий серьезный исследователь.

Как символическое обозначение всего негативного в исследовании, «позитивизм» сыграл значительную роль в образовании «Новой Истории». В историографию прочно вошло мнение, что практикуемая «методистами» история была сделана «с помощью ножниц и клея»; она не чувствительна к проблемам собственного устройства, слишком доверчива по отношению к получаемым фактам, чересчур увлечена возвеличиванием своей нации, чрезмерно ангажирована в политику, потворствуя хищническим колониальным инстинктам ... Эта позиция почти не подвергалась сомнению вплоть до 1990-х гг. И лишь недавно, отвечая на новые вызовы времени, историографическая эволюция продемонстрировала все свои качества «поступательно-возвратного» движения: целый ряд современных проблем научного и социального порядка привели к радикальной ревизии наследия «методической школы», превращая ее в ключевое звено реорганизации профессиональной памяти.

Сам ярлык «позитивизма» (речь пока идет о чисто формальном наименовании) не свободен от двойственности. Анналисты, облеченные институциональной властью, используют его, чтобы изобразить тип исторического исследования, который главенствовал в конце XIX – начале XX вв. [2, 3]. Но существует и другая, не менее влиятельная терминология. Целый ряд исследователей, включая Шарля-Оливье Карбоннеля, Ги Бурде, Эрве Мартена и других [4–7] предпочитают говорить о «позитивизме» применительно к общенаучному движению, созданному Огюстом Контом. Чтобы обозначить новую тенденцию в истории, которая берет свое начало в основании «Исторического журнала» (*la Revue historique*) в 1876 г., они пользуются наименованием «методической школы».

Свой выбор авторы объясняют тем, что целью и смыслом деятельности данного поколения историков было развитие «метода», то есть определенной совокупности процедур, способных производить «настоящую» историю. В последнее время именно вторая тенденция наименования преобладает, «позитивисты» в историографических сочинениях все чаще уступают место «методистам».

Разность словоупотреблений здесь, безусловно, сигнализирует о латентных, хотя и не самых принципиальных конфликтах современной профессиональной среды. «Новые историки», наследующие традиции «Анналов», желают сохранить категории, основанные их предшественниками, в отличие от «независимых» ученых, которые стремятся к переименованию устоявшихся в историографии рубрикаций.

Однако и содержательная составляющая «позитивизма» столь же амбивалентна. Его упоминание отсылает само по себе к положениям, развиваемым Огюстом Контом. Историки, как уже было сказано, чаще всего используют его в пренебрежительном смысле, обозначая колоссальный рывок в развитии, совершенный историографией в XX в. по отношению к веку XIX-му. Между тем в истории науки именно «позитивистский» период развития науки означал беспрецедентный по степени важности момент, который сравним, по выражению социолога Норберта Элиаса, «со значением коперниканской революции» [8. С. 47]. Именно в этот период формируется новая концепция объективности научного знания, в которой «истинным» признается исследование, верифицируемое экспериментально, создается представление о профессиональном на-

учном сообществе и по необходимости коллективном характере научной деятельности, основанной на разделении труда и кооперации ученых.

Открыв эпоху массовых научно-практических исследований, О. Конт наделял философию особым правом устанавливать универсальные критерии знания. И если отношения философии с естественнонаучными дисциплинами расценивались как равные по значению, то история оказывалась в самом низу иерархии наук из-за полной, как считалось, неспособности к обобщениям и неизбежной телеологической заданности. Функцией обобщения О. Конт наделяет новую науку об обществе – социологию, а историю описывает только как «место наблюдения», «поле маневров» на службе социальной науки [9].

Отсюда изначальная двойственность положения: историки-«позитивисты» отстаивают право практиковать свою дисциплину по правилам единого научного метода, но отказываются от любой философии истории, в то время как родоначальник позитивизма пишет о принципиальной невозможности подобного предприятия. Следовательно, понятие «позитивного факта» или «позитивного исследования» под пером этих историков никак не означает связи с контизмом, но противостоит всем явлениям спекулятивного, умозрительного порядка. «Позитивный» факт – это факт, существование которого удостоверено самой документацией, проверенной критическим методом. В этой связи, Жерар Нуарьель предпочитает рассуждать не о «позитивизме» одного поколения историков, но о «позитивизмах» всех современных ему научных направлений, отмечая во всех интеллектуальных движениях Франции рубежа XIX–XX вв., иногда непримиримых по отношению друг к другу, одно общее свойство: уверенность в достижимости через исследование истинного результата [10. С. 10].

Несколько важных тем делают ныне актуальным наследие исторического «позитивизма».

1) Историки вновь пытаются определить «дисциплинарную матрицу» своего ремесла, в связи с чем признается ключевая роль «историзирующих историков» в становлении самой данной дисциплины. Важную роль в этом процессе сыграли наработки современной социологии науки, приучившей исследовать профессиональные исторические сообщества «социологически», то есть как пространство людей со всеми особенностями любого человеческого сообщества, а не как конфигурацию «чистых идей», где прогресс неизменно и навсегда побеждает косность. «Существуют группы историков, которые заявляют о себе традициями, создают школы, признают основополагающие правила своего ремесла, соблюдают деонтологию, практикуют ритуалы инкорпорации и исключения» – пишет Антуан Про [11. С. 13]. Задолго до «Анналов» историческая наука во Франции сумела завоевать свою автономию в интеллектуальном поле, утверждаясь на территории эмпирического исследования и отказавшись от философских генерализаций. Но с этого момента, утверждает Жерар Нуарьель [12. С. 47], чтобы *оправдать* свое начинание, все поколения историков будут обязаны сами развивать обобщающий дискурс об истории, покидая почву эмпирической работы для «метаязыка», заимствованного, прямо или косвенно, у философии. Впервые беспокоиться о легитимации профессии историка, и задаваться вопросом, в состоянии ли историк рассуждать о своей практике, целиком оставаясь «внутри» своего ремесла, начал «позитивист» Шарль Сеньобос. С тех пор тревоги подобного рода не переставали преследовать дисциплину. Только оценивая ответы, последовательно данные на этот вопрос, можно воспроизвести те великие этапы, которые позволили истории создать и транслировать некую научную «парадигму». Таким образом, «методическая школа», а не школа «Анналов», как утверждалось ранее, является теперь неизменной «точкой отсчета» достижений и потерь французской исторической науки.

2) Эпистемологические утверждения позитивистов вызывают новый интерес в эпоху, когда все образцы социальной истории в духе «Анналов» если и не были окончательно опровергнуты, то в полной мере продемонстрировали свою досягаемость для критики. «Комплекс полноценности», свойственный Анналам, «стал не просто раздражающим, – необоснованным» [11. С. 8]. И эта уязвимость оказалась не меньшей, чем некогда слабая доказательность «методической школы» в спорах со сторонниками «новой социальной науки». В конечном итоге, «Анналам» пришлось разом отвечать за все амбиции истории всех ее направлений, от Симиана до Сеньобоса: за претензии на строгую научность, рухнувшие в эпоху нового субъективизма, который вновь сближает историю с литературным творчеством; за иллюзорное стремление к обобщениям, гипертрофию количественного метода. Наконец, стерлась и отступила на задний план исследования скучная реальность «исторического факта», задавленная увлекательной игрой без правил в «зеркальной комнате» исторических репрезентаций.

По части обсуждаемого сюжета, было убедительно доказано, что в западной историографии XX в. устоялся неадекватный, более того, откровенно карикатурный образ эпистемологической платформы позитивистов. Излюбленной мишенью потомков стал «старик» Леопольд фон Ранке: кто только в XX в. не осмеивал его за наивность сакраментальной фразы! «... Наделяют историка миссией судить прошлое, разъяснять современный мир, чтобы служить и в будущих годах ... Наша попытка не вписывается в столь высокие предназначения; она стремится лишь показать, как происходили вещи на самом деле»... Между тем вырванная из контекста фраза 29-летнего немецкого автора вообще не является примером какой-либо теоретической рефлексии: он всего только хотел показать, что его книга является эмпирическим исследованием, а не

типичным для рубежа XVIII–XIX вв. отвлеченным рассуждением на тему Прогресса или Бога. Но по-настоящему горькой оказалась в историографии судьба уже упомянутого французского историка-«позитивиста» Шарля Сеньобоса, ставшего неизменной целью жестокой критики его ученика Люсьена Февра. Для творчества последнего высмеивание Сеньобоса приняло форму настоящей идеи-фикс и часто казалась чрезмерной его коллегам. В частности, по поводу книги Сеньобоса «Чистосердечная история французской нации» историк Фердинан Ло пишет: «...Я далеко не вдохновлен «Чистосердечной историей...», ... но эту книгу не обошла интересом современная партия, в которой я нахожу совершенно избыточной суровость Февра» [13. С. 226].

В последнее десятилетие французская историография вернула «историкам-методистам» право самим объяснить свои позиции, без посредничества некорректных промежуточных переложений. Тем более что этот голос, как выяснилось, был необыкновенно созвучным той тенденции исторической науки, что сфокусирована на микроисследовании и идентифицирует себя, согласно типологии Карло Гинзбурга, с парадигмой «косвенных признаков» [14].

3) Наконец, новая актуальность позитивистов связана со стремлением восстановить нарушенную социальную связь историка со своим временем, вернуть ему утраченное чувство ответственности перед обществом. В отличие от «Анналов», в которых возобладала линия политической безучастности, сфера гражданского действия у предшествующего поколения историков была весьма значительной.

Таким образом, существует тенденция вывести историков-методистов из-под удара суждений, произведенных «Анналами», сделать их полноправными участниками насущных проблематизаций современной исторической науки. Характерно, что реализуют эту задачу в основном исследователи, стоящие на платформе «социальной истории», то есть не чуждые наследию «Анналов», как если бы обостренное чувство справедливости диктовало им необходимость исправлять ошибки, допущенные предшественниками, без смены основных методологических ориентаций. Так, «восстановлению» доброго имени Шарля Сеньобоса много сил отдал историк Антуан Про [15]. В короткой статье о Сеньобосе не так давно изданного «Словаря французских интеллектуалов» он прямо подводит итог дискуссии: «... Он заслуживает лучшего, чем те «убойные» суждения, которые отпускал в его адрес Л. Февр ... Это карикатура на Сеньобоса – заставить его говорить, что факты существуют «позитивно» в документах, – он настаивал на работе воображения историка, – или еще, что история ограничивается изложением фактов. Также он не ограничивался только политической историей. Можно оспаривать способ, которым он исследовал экономическое и социальное, но он наделял их значением» [16. С. 1042].

Главной заслугой методической школы исследователи называют формирование профессионального сообщества историков и норм его взаимодействия, то есть сложение новой «научной парадигмы», в дефиниции Томаса Куна [17]. История формирования французского сообщества историков, вступившего, к моменту появления «Анналов», в фазу «нормальной» науки, вполне соответствует куновскому описанию формирования «дисциплинарной матрицы». Но если принять данную модель, – миф о «вечной молодости» и революционном нонконформизме традиции «Анналов» окажется сильным преувеличением. «На первый взгляд, – утверждает Жерар Нуарьель, – традиция исторической науки, основанная в конце XIX в., не выдержала испытания временем. Очень мало историков сегодня ясно провозглашают принципы тех, кого они часто, в презрительной манере, называют «историзирующими историками», «сорбоннарами», «позитивистами»... И все же, с тех пор, как они оставили историю идей ради истории практик, необходимо констатировать, что даже когда они объявляют, громко и весомо, что ведут свое происхождение от Мишле, на деле продолжают писать историю так, как это предписал Сеньобос и ему подобные» [12. С. 231].

Историки-«позитивисты» быстро приспособились к новым правилам, пользуясь небывалым реноме науки и все увеличивающейся поддержкой этому виду деятельности со стороны целого ряда европейских государств. Однако возросший престиж науки не был единственной причиной стремительной профессионализации истории во Франции, существовали также особые условия политического порядка. Если ранее в университетской системе история выполняла вспомогательную по отношению к философии и литературе роль, служа инструментом политического влияния консерваторов, то в 1870-х гг. она вступила в новую фазу своего развития. Во Франции утверждала свою власть III Республика, и новый режим потребовал от историков участия в исследовании и преподавании опыта коллективной памяти, на прочном фундаменте которой могла бы вырасти единая национальная идентичность. Опираясь на профессоров Высшей нормальной школы (*l'Ecole Normale Superieure*), Республика, в свою очередь, обеспечивала создание научной автономии для истории. Отсюда несколько принципов и особенностей профессионализации «ремесла историка» во Франции.

Во-первых, государству было важно удержать преимущество за светским высшим образованием в период явного усиления влияния католических университетов. Историки во Франции становятся служащими, с единой общегосударственной системой комплектации кадров, совмещающими функции исследования и преподавания. Отныне университетская карьера – не досужее занятие аристократов, она дает возможность зарабатывать на жизнь. Множится сеть исторических кафедр, соз-

даются сотни новых должностей, формируется их иерархическая пирамида: доценты, профессора-совместители, профессора. Отдельную иерархию представляют посты в Париже по сравнению с провинциями: в столице жалование по аналогичным должностям в среднем в два раза выше. Карьерные притязания историка теперь в значительной степени направляются материальными возможностями. Верхом профессиональных мечтаний остается кафедра в Сорбонне, где был большой конкурс и мало избранных.

Париж, как место концентрации правительства и парламента, высших школ и самого престижного университета, основных журналов и крупнейших издательств, создает в эпоху III Республики новый тип централизации, сыграв главную роль в «переваривании» элит, пришедших из всех регионов и всех сред, и участвующих, таким образом, в усилении национальной ассимиляции. Формируются «сети власти», в которых историки будут иметь большое значение и займут ключевые посты в самых высоких инстанциях, становясь влиятельными советниками и экспертами, журналистами и издателями. Благодаря контролю, который они осуществляли над производством школьных учебников, они будут обладать исключительным влиянием на рынке печатной литературы. В то же самое время другие дисциплины будут получать эти привилегии с большим трудом. Это обстоятельство будет создавать очаги большой напряженности в междисциплинарных дискуссиях и чрезвычайную важность легитимации различных областей знания как по отношению к обществу, так и в части эпистемологических оснований [18. С. 45].

Во-вторых, занимая ключевую позицию в сетях власти, история не просто стала важной целью новой университетской политики при III Республике с конца 1870-х гг.: в совершавшихся реформах образования сами историки играли важную роль, извлекая выгоды для своей дисциплины, создавая для себя самые многочисленные должности. Вот несколько показательных фактов. Между 1870–1902 гг., количество кафедр истории удвоилось в Сорбонне; с 1895 по 1904 гг. по стране в целом их количество меняется с 57 до 74. В конце века более тысячи студентов-историков прошли через основные ступени университетской карьеры – агрегацию, а затем докторскую степень [19]. Наконец, треть всех защищенных в Сорбонне государственных диссертаций в 1880–1899 гг. были выполнены историками [12. С. 217].

Постоянной заботой «методистов», привязавших профессию к светскому образованию, было преподавание истории, которое считалось главным способом социального оправдания ремесла историка. Данная профессия имеет, с точки зрения Сеньобоса, «прежде всего педагогическую ценность», но также является инструментом политического образования. Сочетание научного и гражданского измерения истории стало для «методистов» неразделимым, определив единую педагогическую концепцию.

Если теоретические позиции методической школы отрицали всякую телеологию, то учебники оказались написанными в духе «национального романа», создавая великолепную сагу о Франции, о силе и доблести ее национальных героев. Их учебники будут исполнены патриотизма, но без националистических обертонов, будут иметь слог простой и пафосный, но не превратятся в разновидность вульгарного чтения. Учебник становится отличительным признаком профессии, и теперь «...ссылка на метод, которая превращалась иногда в пустой звук, приводит к превращению ее в настоящий логический и педагогический формализм» [20. С. 84].

После поражения во франко-прусской войне 1870 г. новое завоевание национальной памяти, вектором которой был знаменитый учебник «История Франции» Эрнеста Лависса, на всех уровнях обучения, от начальной школы до университета, станет самым сильным достижением историков в борьбе за легитимность своего ремесла [21].

III Республика получит в лице историков свой прочный идеологический «тыл», накрепко привязанный к «почве» французских регионов. Этот национальный фермент навсегда свяжет воедино во французском образовании преподавание истории и географии. «География становится, для всей совокупности исторического сообщества, главным компонентом французского способа писать историю», и даже непримиримый критик Люсьен Февр, полностью переняв аргументацию Франсуа Симиана против методической школы, отвергнет ту ее часть, где дискредитируется союз истории с географией.

В-третьих, «методическая школа» сформировала принципиально новый тип исследователя. Вполне закономерно, что большинство историков этого периода по типу своих ценностных ориентаций – убежденные республиканцы. Постепенно вытесняется из ученого сообщества унаследованный от философии Просвещения идеал «всесторонне развитого человека», который защищала французская аристократия: новый режим создавал корпус специалистов, которые утверждали разделение интеллектуального труда и социальных функций. Отныне философия, литература, история (а позже и социология) предлагали четко разделенные учебные курсы, обязывающие студентов выбирать свою профессиональную стезю очень рано. Каждая из этих дисциплин формировалась вокруг своего собственного идейного стержня, что участвовало в становлении профессиональных идентичностей университетских работников [18. С. 39]. История больше не являлась послушным орудием политических баталий, формируя новую когорту «узких специалистов», владеющих методом документальной критики. Она помогала Республике скрепить воедино аморфное тело нации, но делала это на свой манер, парадоксально

уверенная в объективном характере добываемых ею истин.

Обретая профессиональную автономию, история искала определенную дистанцию как по отношению к политической сфере, так и к другим «литературным» дисциплинам. Реформируется система экзаменов, преподаются принципы «исторического метода», раньше монополизированные эрудитами Школы Хартий.

Строились новые корпуса и университеты, складывались те нормы дисциплинарной научности, которые почти не претерпели изменений и по сей день. Отныне студенты начинают учебу в более юном возрасте, но учатся все дольше и позже защищаются. Решающим испытанием для университетской карьеры становится диссертация, где историк должен продемонстрировать свою принадлежность к единому профессиональному пространству, применяя систему ссылок на источники и работы предшественников. Институт диссертаций и их защит становится настоящим научным поединком, специальные отчеты по защитам публикуются в профессиональных журналах. Общий список публикаций и журнальные рецензии становятся другими критериями научной ценности.

С 1890 гг., введение немецкой системы комплектования университетов еще более усиливает автономию профессионального суждения. Система публичных выступлений, в которой ценность оратора некогда измерялась количеством слушателей, была заменена системой семинаров, где юные специалисты группировались вокруг опытного наставника по определенной тематике. Происходит институционализация исторической науки, формируются особая корпоративная культура и нормы профессионального общения, позволяющие противостоять внешнему давлению.

Таким образом, в 1870–1900-х гг., дороги доступа к ремеслу историка оказываются проложены, и исторические изыскания превращаются в дело «регулярной выучки».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Carrard Ph. Poétique de la Nouvelle histoire: le discours historique français de Braudel à Chartier. – Paris: Ėditions Payot Lausanne, 1998. – 244 p.
2. Le Goff J., Chartier R., Revel J. (dir.) La Nouvelle Histoire. – Paris: Retz, 1978. – P. 460–462.
3. Burgière A. (dir.) Dictionnaire des sciences historiques. – Paris: Presses Universitaires de France, 1986. – P. 536–537.
4. Carbonell Ch.-O. Histoire et historiens. Une mutation idéologique des historiens français, 1865–1885. – Touluse: Privat, 1976. – 256 p.
5. Bourdé G., Hervé M. Les écoles historiques. – Paris: Ed. du Seuil, 1983. – 350 p.
6. Bizière J.-M., Vayssière P. Histoire er historiens. Antiquité, Moyen Age, France moderne et contemporaine. – Paris: Hachette, 1995. – 272 p.
7. Dumoulin O. Comment on inventa les positivistes // L'histoire entre épistémologie et demande sociale. – Toulouse: Versailles, 1994. – P. 79–103.
8. Elias N. Qu'est-ce que la sociologie? – Paris: Pandora, 1980. – 222 p.
9. Конт О. Дух позитивной философии. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 256 с.
10. Noiriel G. Le statut de l'histoire dans Apologie pour l'histoire // Cahiers Marc Bloch. Bulletin de l'association Marc Bloch. – 1997. – № 5. – P. 10–15.
11. Prost A. Douze leçons sur l'histoire. – Paris: Editions du Seuil, 1996. – 342 p. Русский перевод: Про А. Двенадцать уроков по истории. – М.: Изд-во РГГУ, 2000. – 336 с.
12. Noiriel G. Sur la crise de l'histoire. – Paris: Ed. Belin, 1996. – 348 p.
13. Цит. по Dumoulin O. Marc Bloch. – Paris: Presses de la formations nationales des sciences politiques, 2000. – 332 p.
14. Ginsbourg P. Mythes, emblèmes, traces: morphologie et histoire. – Paris: Flammarion, 1989. – 304 p.
15. Prost A. Seignobos revisité // Vingtiéme siècle. Revue d'histoire. – 1994. – juilet-sept. – P. 100–117.
16. Juillard J., Winock M. (dir.) Dictionnaire des intellectuels français. Les personnes. Les lieux. Les moments. – Paris: Ed. du Seuil, 1996. – 1262 p.
17. Kuhn T.S. La structure des révolutions scientifiques. – Paris: Flammarion, 1970. Русский перевод: Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975. – 288 с.
18. Noiriel G. Les fils maudits de la République. L'avenir des intellectuels en France. – Paris, Fayard, 2005. – 342 p.
19. Karady V. Les professeurs de la République // Actes de la recherche en sciences sociales. – 1983. – juin. – P. 90–112.
20. Gérard A. À l'origine du combat des *Annales*: positivisme historique et système universitaire // Au berceau des Annales, le milieu strasbourgeois, l'histoire de France au début du XXe siècle, Actes du colloque de Strasbourg, octobre 1979. – Toulouse: Presses de l'IEP, 1983. – 302 p.
21. Nora P. L'Histoire de France de Lavisse // Nora P. (éd.) Les Lieux de mémoire. La nation. T. 2. – Paris: Gallimard, 1986. – P. 317–375.